

Маслова Валентина Авраамовна

Витебский госуниверситет имени П. М. Машерова,
Республика Беларусь
e-mail: mvavit@tut. by

УДК 81.3

ДОМ КАК ЧАСТЬ БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПОГРАНИЧЬЯ С ПОЗИЦИИ ФИЛОСОФИИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

В докладе рассматривается дом как жилище и часть бытовой культуры пограничья. Проблема анализируется с трех сторон: 1. Культура пограничья как проблема региональной лингвистики. 2. Дом – это организующий центр мира в русской философии и культуре. 3. Дом с позиции лингвокультурологии, поскольку анализ языка – это способ описания и существования культуры.

Ключевые слова: бытовая культура, регионалистика, философия пространства, лингвокультурология.

Вынесенная в заглавие доклада тема обсуждения, с нашей точки зрения, имеет несколько аспектов, три из которых будут проанализированы в докладе.

Первая. Культура пограничья как проблема региональной лингвистики. Как известно, процессы глобализации привели к противоположному результату: повышению интереса к регионалистике, в которой на первый план выдвигаются культурные и языковые проблемы региона. Региональная лингвистика – это часть общей большой проблемы варьирования языка в пространстве. В начале XX века возник лингвогеографический метод, результатом которого стали лингвистические атласы ряда стран, например, Франции и Германии. И. И. Срезневский еще в середине XIX века указывал на необходимость изучения языка в пространственной проекции [4, с. 6]. Справедливости ради нужно сказать, что в XX веке – Е. Ф. Будде, В. В. Виноградов, Ф. П. Филин и др. крупные лингвисты отрицали сам факт возможности варьирования литературного языка. И лишь во второй половине XX века в работах Р. Р. Гельгардта, М. В. Панова, И. Г. Добродомова утвердилась бесспорность наличия вариантов литературного языка, прежде всего региональных. Официальным признанием данного направления в лингвистике стала работа "Типы наддиалектных форм языка" (М. : Наука, 1981). Однако до сих пор у ряда лингвистов можно наблюдать скептическое отношение к данной проблеме.

Сам термин "регионализм" возник в 80-е годы прошлого века, а "региолект" в 90-е – в работах В. И. Трубинского (1991) и А. С. Герда (1995). В научной литературе, кроме термина "региолект", используются также ряд других терминов – "региональный язык", "региональные говоры", "региональные черты".

На рубеже XX и XXI веков вновь вспыхивает интерес к крестьянской и традиционной культуре, изучению народных говоров, которые, вопреки прогнозам, не исчезают, а лишь изменяются, приобретая черты регионального языка (В. М. Жирмунский). Интерес к языку и культуре регионов привел к формированию региональной идентичности, т. е. к появлению в массовом сознании соотношения себя с региональным локусом. Вопросы разграничения языка и диалекта посвящена обширная литература, и все же, по замечанию французского исследователя Э. Гийорея, "лингвисты никогда не могли разграничить язык и диалект".

Анализ существующей литературы позволяет понять, что региональному языку присуща более высокая степень развития функциональной системы, в то время как диалект в основном функционирует в бытовой сфере. Кроме того, именно язык заключает в себе самооценку народа и его соседей, отображает национальное самосознание и национальный характер, фиксирует в себе элементы материальной и духовной культуры (Р. И. Аванесов, М. А. Бородина, К. Доминте). Сама проблема региональных языков в Беларуси еще не поставлена, в отличие от германской, французской и даже русской лингвистики.

Мы используем в своей работе словарь Могилевско-смоленского пограничья, с привлечением отдельных примеров Гомельско-Брянского пограничья, а также исследования по Могилевско-Смоленскому пограничью (многотомный словарь, вышло 3 тома). Еще в 1927 г. Н. Касперовичем был создан "Віцебскі краёвы слоўнік", который включал в 9703 слов, зафиксированных в 591 населенных пунктах, в 2012 году создан более полный "Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны".

Язык региона включает в себя местные диалекты, если это преимущественно сельский регион в глубинке, где он относительно замкнут. Сюда, кроме диалектов, можно отнести неологизмы XXI века, например, связанные с ковидом (*ковитнутый, ковигисты*), региональные названия объектов мира: кабысдох = худая собака; кутёнок = щенок; чушка = свинья; сажалка = пруд; гарбуз (тыква), бурак (свекла), дичка (дикая яблоня), смецце (мусор), *мальцы* (Витебский регион). Региональные названия учреждений (Витебский госуниверситет, сеть магазинов "Витебские продукты"), организаций ("Витебскстрой"), названия жителей региона (*витеблянин, оршанец, полочанин*), имена великих людей региона (для Витебщины – *М. Шагал, И. Репин, Ю. Пэн, П. Машеров, Ж. Алферов*) и др.).

В белорусско-русском пограничье функционирует "трясянска" – смесь русского и белорусского языков: Домовка – жильё, дом, квартира: *Мая*

дамоука вози калоцца, яе легка найці. Есть и полное сходство, и семантико-прагматические различия между словами. Например, *обед* – для русских сейчас состоит из 3-х блюд. Первое – суп, второе – каша с мясом, т. е. густое. Если перед супом съесть салат, то суп все равно будет первым. Потому что существует принятая структура. На третье у белорусов – *компот*, у русских *чай*, у украинцев – *взвар* (компот из сухофруктов). Есть незначительное количество слов, которые встречаются, например, в белорусской части пограничья: *пасяг* (приданое), *заручыны* (помолвка), *вяселле* (свадьба), *кажан* и др. Слово *кожан* существовало в языках восточных славян и являлось однокоренным слову "кожа" (ср. : рус. *кожаная птичка*). *Кажан* функционирует в мифологических верованиях белорусов. Согласно народным поверьям, в *кажана* превращалась мышь, которая съела что-то в церкви. За это Бог сделал *Кажана* существом, которое днем не видит, за это белорусы называли его "ночным чертом" [1, с. 209].

В этом аспекте интересно проанализировать слово *дом*, которое обозначает жилище человека часто вместе со всем хозяйством вообще – *хлево́м, баней, амбаром, сараем* и другими придомовыми постройками. При этом в каждом регионе есть свои различия. Хотя в результате постоянных контактов и генетического родства народов этнолингвистический ареал пограничья в значительной мере однороден.

Вторая проблема – дом как пространство. Философский аспект. Пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком, оно организуется вокруг человека как центра макро- и микрокосмоса. Пространство – форма бытия материи, ее важнейший атрибут. Оно характеризует протяженность мира, его связность, непрерывность, структурность, трехмерность (многомерность) и т. д. Как важнейшая форма мира и жизни в нем человека пространство многолико репрезентировано в языке, сознании, культуре, мифологии. *Дом* – это образ замкнутого пространства. Это "свое" пространство, которое противопоставляется всему остальному – "чужому". Оно безопасно, способно помогать человеку: *Домой придешь – хлеб-соль найдешь.*

Сами по себе пространственные отношения оказываются теми "примитивами", к которым сводятся более сложные представления. Восприятие пространства никогда не ограничено утилитарно-прагматическими аспектами, но, по утверждению В. Б. Касевича, ". . . всегда трактуется в системе мировоззренческих оппозиций, релевантных для данного культурно-исторического сообщества" [3, с. 137]. Так части дома начинают принимать на себя самые разные смыслы: люди извлекают некоторые знания из *подвалов памяти* и движутся вверх по *служебной лестнице*, переходя *со ступеньки на ступеньку*, бьются головой о *стену*, наконец, достигают *потолка*, а потом у них едет *крыша*, и эту ситуацию можно характеризовать - *не все дома.*

Поведение людей в значительной мере связано с пространством вообще и пространством дома, в частности, и это отображено в языке: *Дом невелик, да лежать не велит. В своем доме не кланяются никому. Дом крепок не укладом, а ладом. В доме повешенного о веревке не говорят.* В данных поговорках закреплён опыт славянского народа: дом как жилище требует постоянной заботы человека, в доме все должны жить в ладу и согласии, в своем доме человек - хозяин.

В мифологической традиции пространство вселенной расходуется "от человека" концентрически кругами. Самый ближний круг (микрокосм) - это сам человек. Его граница - тело и одежда, прикосновение к которым расценивается в разных культурах как нарушение этических и прочих норм. В русском языке существует выражение "это меня не касается". Ср. белорусское "гэта мяне не датычыць", внутренняя форма глагола - "ты-каць", что позволяет предположить следующее: в менталитете белорусов заложено более грубое, чем просто прикосновение, нарушение микрокосма человека.

Следующий круг - это дом человека, его ближайшее окружение. Круг дома у кочевых народов, например, у казахов, - это степь, по которой человек со стадом проходит за световой день. Поэтому уход из дома в мифологии, фольклоре - это начало приключений и испытаний.

Последняя граница вокруг человека - это граница "своей" земли, родины. Всякое массовое переселение, смещение с нее воспринималось как трагедия. Лишь после того, как возникли первые государства, граница стала государственной, а присоединение чужих земель стало интерпретироваться как "освоение", "окультуривание" чужого пространства.

Разновидность дома – **храм**, Это дом для Бога. Но и в доме есть места, которые называют "христианскими", "чистыми", например, *красный угол*. Нечистыми местами считаются: баня, овин, кузница) и т. п. Исполон веку храмостроительство имитирует космогоническое свершение, а сами храмы в миниатюре олицетворяют мирозданье:

Взор постепенно из долины

Подъемлясь, всходит к высотам

И видит на краю вершины

Круглообразный светлый храм (Ф. Тютчев).

Третий аспект проблемы, выдвигаемой в докладе, – дом как жилище, место обитания человека. **Лингвокультурный аспект.** Концепт дома тщательно разработан Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым [2]. Поэтому рассмотрим те аспекты проблемы, которые либо вообще не отражены в названном исследовании, либо мы имеем иную точку зрения на отдельные аспекты.

Дом – это часть бытовой культуры, которая существует в 2-х ипостасях: материальная и духовная. Духовная культура а зеркале языка – вечная проблема, идущая от школы "Слова и Вещи". В культуре не только слова,

но и материальные предметы могут нести духовный смысл; между духовной и материальной культурой нет резкой непреходимой границы (например, камень на обочине дороги и этот же камень на могиле). Более того, в культуре нет ни чисто духовных концептов, ни чисто материальных вещей, каждое явление культуры имеет две эти стороны. Такова ситуация и со словом *дом*. В русской и белорусской лингвокультурах *дом* – это внутреннее, обжитое человеком пространство мира, окруженное хаосом, это как бы двойник человека: кухня – это чрево, окна – глаза, лестница или крыльцо – ноги и т. д. Это раковина, к которой прирос человек, поэтому в него мы возвращаемся, как заколдованные: *В гостях хорошо, а дома лучше; Дома и стены помогают.*

Поскольку славяне названного пограничья вели оседлый образ жизни, дом у них входит в ядро языкового сознания, о чем свидетельствуют многочисленные ассоциативные эксперименты. По мнению психолингвистов, в языковом сознании русских он стоит на втором месте, у белорусов на 4, у испанцев на 10, у англичан – на 22. Поэтому слово *дом* – заголовочное для нескольких больших словарных статей "Ассоциативного словаря...".

Дом имеет целый ряд синонимов: *хата, изба, землянка, терем* (дом в виде башни), *дворец* и др. И если в белорусской части пограничья превалирует слово *хата*, то в Брянской – *изба*. В белорусском пограничьи встречаются такие номинации: *дом – это гроб: Быу у нас такі Ахрэм ен усім пакойнікам дамы делау* (Дедин. Мог.) *Жило* – это дом. От него – жилище, жителец (*Сколько жыльцоу живеет у Беларусі?*). Приоритетным является представление о *родном доме* (*кров, очаг, изба, хата*). Это перекресток всех жизненных путей человека, сходящихся у родного очага. *Родной дом* – это первая вселенная человека, объединяющая его воспоминания, мысли, мечты и тем самым организующая "связь времен". Дом – это еще и убежище, последняя опора в жизни: *"Дом, который не страшен в час народных расправ"* (М. Цветаева).

Дом как жилище может иметь разный вид: городской квартиры (*многэтажний, хрущоба, коммуналка*), частный сельский дом (*изба, хата*), и промежуточный тип (большой, но частный) – *котедж*. Не только в литературном, но и региональных языках содержатся смыслы, идущие из глубины веков. Например, *дом* как царство мертвых, могила, гроб: *дом на погосте; вечный дом*.

Дом как жилище вызывает богатейшие ассоциации с телом и жизнью человека, что было подтверждено психоаналитиками. *Фасад дома* – это внешний облик человека, *крыша* – голова и разум. *Подвал* – область бессознательного и т. д. Его возведение.

Больше всего в региональном материале обнаружено значение "*дом – это строение*": *вот мой дом*. Главное место в доме занимала *печь*, которая считалась центром дома, слева от нее – *бабий кут* – женский угол. Важен для любого дома был и красный кут – главное место в доме. Там к уг-

ду приставлялся стол, над которым была полочка для икон. Все, входящие в дом, кланялись этим иконам.

Несколько реже в текстах встречается значение дом - это еще и *люди, семья*, живущие вместе: *Здесь мой дом – родители, брат*. В белорусском пограничье нам встретились такие поговорки: *Жонка тры вуглы дома трымае. Добрая жонка дом зберажэ, а ліхая рукавом расправе*.

Дом как свое, безопасное, обжитое пространство противопоставлен лесу (М. Ю. Лотман) как чужому, опасному, дьявольскому пространству: *Дома и солома съедома*. В белорусских регионах часто встречаются такие поговорки: *Свая хатка – родная матка; У сваёй хаце і качарга маці; У сваёй хаце і вуглы дапамагаюць*. В Российских регионах Смоленщины и Брянщины частотны *Дома и стены помогают. Лучше дома своего нет на свете ничего*. В обоих регионах встретились: *Хорошо тому, кто в своем доме*. Итак, дом – замкнутое пространство, безопасное пространство, свое пространство: *"А дом – это мир, где вся злая энергия исчезает, куда непросто попасть кому-то постороннему – это твое и только твое пространство"* (А. Фомин).

Дом может выступать в значении "город" и "страна": *Наш дом – Россия. Москва! – Какой огромный / Странноприимный дом!* (М. Цветаева).

В русской культуре, русской литературе были и разрушители и строители дома. Строительство дома – этическая модель поведения русских: *Кто дома не строил, земли недостойн* (М. Цветаева). Оберегали дом и хранили его в русской культуре И. Тургенев ("Дворянское гнездо"), А. Пушкин ("Евгений Онегин", "Домик в Коломне"), Л. Толстой ("Война и мир"), С. Аксаков ("Семейная хроника"), А. Чехов ("Дом с мезонином"), А. Твардовский ("Дом у дороги"), Ф. Абрамов ("Дом"). Разрушали дом - Н. Островский ("Гроза"), Н. Гоголь ("Мертвые души"), А. Ахматова (*Я пью за разоренный дом*), Н. Гумилев (*По стенам опустелого дома...*).

Таким образом, лингвистика без культурных основ – карточный домик. Язык сам по себе является культурной силой (Малиновский).

Выводы. По первой проблеме. Тема конгресса выбрана своевременно, потому что разработка концепции региональной лингвистики позволит объяснить ряд закономерностей регионального языка и понять особенности региональной языковой личности, а также установить региональные ценности, лежащие в основе региональной культуры, описать коммуникативное пространство региона.

Вторая проблема. С точки зрения философии. Дом - это организующий центр мира в русской культуре.

Третья проблема. С позиций лингвокультурологи, анализ языка – это способ описания и существования культуры. Е. Бартминьский назвал "парадоксом взаимной зависимости", на самом деле ничего парадоксального здесь нет: язык не только описывает, но и создает культуру, т. к. лишь то, что имеет имя в языке, может войти в культуру народа.

Список использованных источников

1. Беларуская міфалогія. Энцыклапедычны слоунік. – М. : Беларусь, 2004. – 291 с.
2. **Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г.** Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы. / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Икар, 2000. – 97 с.
3. **Касевич, В. Б.** Буддизм. Картина мира. Язык. / В. Б. Касевич. – СПб., 1996. – 274 с.
4. **Срезневский, И. И.** Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. / И. И. Срезневский. – СПб., 2014. 1851 с.